

НАУЧНЫЕ СТАТЬИ

УДК 81'25

А.Г. Анисимова

Московский государственный университет имени

М.В. Ломоносова;

Н.Ю. Тихонова

Финансовый университет при Правительстве

Российской Федерации

КОМИЧЕСКОЕ В СОВРЕМЕННОЙ АНГЛИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ: СПОСОБЫ СОЗДАНИЯ И ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА

Целью исследования является определение основных путей и средств создания комического в современных произведениях художественной литературы на английском языке, которые представляют собой материал исследования, а также проанализировать способы перевода юмора с английского языка на русский на конкретных примерах, взятых из выбранных современных художественных англоязычных произведений. Главный фокус анализа на юморе влечет за собой необходимость проведения семантического анализа плана содержания отдельных лексических единиц, изучения сосуществования в рамках одного или нескольких предложений вербальных и невербальных средств коммуникации. В статье акцентируется внимание на гиперболизации и совмещении разных/противоположных стилистических/семантических лексических единиц как фундаменте построения комического вербального описания. Научная новизна исследования состоит в выборе материала для анализа – детективной повести Риз Боуэн «Дворцовый переполох», которая ранее не изучалась с данной точки зрения. Авторы выявляют наиболее частотный способ создания комического, а также определяют переводческие приемы передачи юмора на русский язык. В результате исследования было установлено, что гиперболизация является преобладающим способом выстраивания комического в тексте, тогда как компенсация представляется наиболее популярным приемом перевода с английского языка на

русский язык. Итоги исследования представляются интересными с научной точки зрения для широкого круга филологов, лингвистов (сюда можно отнести и когнитивную лингвистику), переводоведов, а также могут оказаться полезными с точки зрения преподавания таких дисциплин высшей школы, как практический курс перевода с английского языка на русский язык, лингвострановедение.

Ключевые слова: юмор; комизм; литература; детективная повесть; английский язык; русский язык; перевод; семантика; синтаксис; стиль; лексика; гипербола; гиперболизация; переводческий прием; компенсация; синтаксическое уподобление; дословный перевод; конкретизация; добавление; антонимический перевод

UDC 81'25

A.G. Anisimova

Lomonosov Moscow State University;

N.Yu. Tikhonova

Financial University under the Government of the Russian Federation

HUMOUR IN MODERN ENGLISH LITERATURE: WAYS OF CREATION AND TRANSLATION

The purpose of the study is to determine the main ways and means of creating humour in a work of fiction in Modern English, which is the material for the present research, to analyze the ways of translating humour from English into Russian on the basis of specific examples taken from the selected modern English-language literary works. The main focus on humor analysis entails the need to conduct a semantic analysis of the content plane of individual lexical units and study coexistence of verbal and non-verbal means of communication within the framework of one or more sentences. The article focuses on hyperbolization and combination of different/opposite stylistic/semantic lexical units as the foundation for constructing a comic verbal description. The scientific novelty of the study lies in the choice of the material for analysis – a detective story “Her Royal Spyness” by Rhys Bowen, as well as in establishing the recurrent ways of creating humour

and selecting translation devices in Modern English. As a result of the study, it was found that hyperbolization is the predominant way of building humour in the text, while compensation turns out to be the most popular method of translating from Modern English into Russian. The results of the study may be interesting for a wide range of philologists, linguists (cognitive linguistics can also be mentioned in this regard), and can also be useful from the point of view of teaching such disciplines of higher education as a practical course of translation from the English language into the Russian language, country studies through language.

Keywords: humor; comedy; literature; detective story; the English language; the Russian language; translation; semantics; syntax; style; vocabulary; hyperbola; hyperbolization; translation technique; compensation; syntactic assimilation; literal translation; specification; addition; antonymic translation

Введение

Для любого произведения, принадлежащего миру художественной литературы, характерна определенная система языковых и речевых средств, на которых автор, руководствуясь сложившимися в языке нормами грамматики и синтаксиса и собственным чувством стиля, вкуса, а также полетом фантазии и вдохновением, останавливает свой выбор и организует их в тексте в стремлении достичь определенные коммуникативные, эстетические, нравственные цели (Monakhova, 2019). При переводе подобных текстов перед переводчиком стоит задача не лишить текст того смыслового, символистского, изобразительного наполнения, которое заложил в него автор, при этом принимая в расчет специфику допустимых средств и способов выражения по отношению к передаваемому содержанию.

Актуальность данной работы обуславливается темой исследования, находящейся в определенной степени в промежуточном положении между лингвистикой, переводоведением и психологией, поскольку исследуется юмор в современной английской литературе как явление, средства его вербального выражения в тексте и приемы перевода комического на другой язык. Настоящая работа призвана решить следующие задачи:

1) отобрать примеры из детективной повести Риз Боуэн «Дворцовый переполох» (Rhys Bowen “Her Royal Spyness”) на английском языке и русском языке, содержащие в себе комические описания ситуаций, предметов, персонажей, их мыслей, чувств, мнений, идей;

2) проанализировать способ выражения комического в каждом отобранном примере на английском языке и русском языке;

3) классифицировать данные примеры на основании обнаруженного способа выражения комического.

В ходе исследования были использованы три основных метода: сплошной выборки, семантического анализа и обобщения.

Теоретической базой исследования послужили фундаментальные положения переводоведения, сформулированные в исследованиях Л. С. Бархударова (1975), В. Н. Комиссарова (1990), А. Д. Швейцера (1988), Я. И. Рецкера (1988). Кроме того, решению поставленных задач содействовали труды исследователей С. В. Змитраковича (2016), Кейт Фокс (2004).

Практическая значимость работы состоит в возможности включения привлеченного материала и полученных результатов исследования в ряд учебных дисциплин по иностранному языку и межкультурной коммуникации, таких как практический курс английского языка, практический курс перевода с английского языка на русский язык, переводоведение.

Основная часть

Общеизвестно, что язык неразрывно связан с культурой. Изучая язык с целью использовать его как средство, инструмент коммуникации, невозможно обойти стороной исследование, пусть даже поверхностное, культуры стран или страны изучаемого языка. Понятие «английский юмор» является по своей сути многоаспектным. Подразумевая определенную национальную принадлежность, оно предполагает и особый взгляд на мир и его «наполнение», и неповторимый способ мышления, и уникальную культурную традицию, в первую очередь литературную (Bebbington, 2018, Malyuga, Krouglov & Tomalin, 2018). Отличительная черта английского юмора – это самоирония, т. е. умение смеяться над собой. В целом же объектом шутики может стать все что угодно: погода, окружающие люди, национальные особенности, политика. По словам британского социального

антрополога Кейт Фокс, «В беседе на английском языке всегда присутствует не выраженный явно юмор. <...> Для англичан правила юмора являются культурным эквивалентом законов природы — мы им подчиняемся. автоматически, так, как мы подчиняемся закону гравитации» (перевод авторов) (Fox, 2004, с. 25).

Английский юмор во многом построен на так называемом understatement, т. е. нечто подразумеваемое, недосказанное. (Radyuk, 2022). В словаре английского языка Macmillan Dictionary лексической единице understatement дается определение a statement that makes something seem less important, serious, big etc than it really is. Merriam-Webster Dictionary следующим образом трактует understatement: a statement that represents something as smaller or less intense, or less important than it really is; the avoidance of obvious emphasis or embellishment. Английский писатель-юморист Джордж Микеш пишет: All this is very deep: and just soul, nothing else. The English have no soul; they have the understatement instead (Mikes, 1986, с. 34).

Такая отличительная черта обыгрывается самими носителями данной культуры. Например, в одной из детективных повестей того же автора – Риз Боуэн – можно встретить следующую характеристику, которую героиня дает своему мужу (далее приведено высказывание мужа и ее реакция на его слова):

I awoke to the rain peppering my window and the wind moaning through the chimneys.

“The weather doesn’t look too great,” Darcy said **with his normal understatement** as he pulled back the curtains.

“Too great?” I said as there was the rattling crash of a slate tile being blown from the roof. “It’s a howling gale out there. Do you think the ships will be allowed to cross the Channel?” (Боуэн, 2022, с. 17).

Героиня явно не считает наблюдаемые погодные условия всего лишь «не слишком хорошими», как отмечает ее супруг; она сомневается, что в такой ужасный день можно будет отправляться в намеченное путешествие.

В данном исследовании будет проанализирован юмор, выраженный в словесной форме, т. е. вербальный юмор, обусловленный выбором определенных элементов языка в известных значениях или средствами грамматики и синтаксиса.

Исследователь С. В. Змитракович пишет о таких приемах: «Лексико-семантические средства создания комического эффекта задействуют единицы лексемного уровня языка в разнообразии как семантических значений лексических средств первичной номинации, так и неисчерпаемой образности, выразительности и эмоциональности средств вторичной номинации. <...> Грамматико-синтаксическими средствами предлагаем называть синтаксические обороты, построения текстового уровня и фигуры речи, конструкции которых в сочетании с мотивированным выбором языковых единиц и семантикой лексем формирует эффект комизма» (Змитракович, 2016, с. 184).

Английский вербальный юмор, как будет очевидно из проанализированных групп примеров, в основном построен на основе гиперболизации, или преувеличения, и/или сочетании противоположностей, в частности лексических единиц высокого регистра (высокая лексика) и низкого регистра (стилистически сниженная лексика) или же лексических единиц с негативной (отрицательной) и позитивной (положительной) семантикой. Реже встречается юмор, основанный на литоте (преуменьшении) (Malуga, 2020).

В данном исследовании, первым будет рассмотрен пласт примеров, в которых юмор в разной форме (ирония, сарказм, самоирония, самоуничижение) представлен за счет гиперболизации. Далее будет проанализирована группа примеров, являющихся предложениями с совмещением лексики разных регистров и/или разной семантики. В рамках каждого набора иллюстративных примеров при переводе с английского языка на русский язык будут задействованы аналогичные приемы и техники, а именно компенсация, уподобление, конкретизация, добавление.

Под компенсацией в теории перевода следует понимать восполнение ускользающего смыслового наполнения, когда лексические элементы оригинала, несущие в себе задуманное автором семантическое содержание, утрачиваются при переводе, однако передаются другой лексической единицей, «причем необязательно в том же самом месте текста, что и в оригинале» (Комиссаров, 1990, с. 247).

При задействовании синтаксического уподобления, или дословного перевода, синтаксическая структура составленного

автором текста превращается в подобную структуру на языке перевода. Такой прием следует считать «нулевой» трансформацией (Комиссаров, 1990, с. 178).

Конкретизация подразумевает замену слова или словосочетания более широкой семантики на слово или словосочетание более узкой семантики. По замечанию Л. С. Бархударова, действие конкретизации в ряде случаев «особенно важно при переводе художественной литературы, в которой неуместно слишком частое употребление слов абстрактного, обобщенного значения» (Бархударов, 1975, с. 212).

Наконец, добавление, под которым следует понимать встраивание в текст перевода дополнительных, отсутствующих в оригинале лексических единиц, служит цели «добиться максимально полного понимания переведенного текста носителями» (Бархударов, 1975, с. 126).

Итак, первой будет проанализирована категория примеров, где явно прослеживается тенденция к гиперболизации изображаемых персонажей, случающихся с ними ситуаций и высказываемых ими идей и мнений.

Компенсация

Apparently the only acceptable destiny for a young female member of the house of Windsor is to marry into another of the royal houses that still seem to **litter** Europe, even though there are **precious few** reigning monarchs these days.

Все уверены, что для девушки из рода Виндзоров существует только один достойный путь устроить свою судьбу — выйти замуж за отпрыска другого королевского дома. Похоже, их и сейчас в Европе **полным-полно**, хотя по-настоящему правящих монархов **можно пересчитать по пальцам**.

Гипербола в данном случае кроется в выборе слова *litter*, подразумевающего огромное количество чего-то. Здесь можно наблюдать синтаксическую трансформацию, заключающуюся в замене частей речи. Так, глагол *litter* в оригинале, имеющий семантику *to be spread around a place in large numbers, to leave litter in a place*, т. е. «усеивать, захламлять, мусорить», употребляется, как правило, по отношению к неодушевленным объектам. В приведенном же предложении *litter* относится к королевским особам Европы, и поэтому возникает комический эффект. В

переводе имеем вместо теоретически возможного глагола из числа упомянутых наречие «полным-полно», которое звучит иронично, однако, вероятно, не достигает той же степени эмоционального воздействия на читателей. Фраза *precious few* преобразуется в самостоятельную грамматическую основу «можно пересчитать по пальцам», являющуюся равноценной синтаксической заменой.

I am constantly being reminded that it is my duty to make a good match with some **half-lunatic, buck-toothed, chinless, spineless, and utterly awful** European royal, thus cementing ties with a potential enemy.

Я со всех сторон слышу, что мой долг — составить партию какому-нибудь **пучеглазому, рахитичному полудурку со скошенным подбородком**, но непременно королевской крови, и все ради того, чтобы установить дружественные связи с потенциальным врагом нашей страны.

Подбор прилагательных, описывающих молодого человека, в оригинальной версии рисует крайне нелицеприятный портрет, а последнее в ряду *utterly awful* словно подводит безрадостный итог характеристике князя. При этом адъективные элементы стоят парами: два первых составлены с помощью дефиса, два последних – с добавлением одинакового суффикса *less*. Все это работает на создание комического эффекта. В переводе эта парность теряется, на месте ряда прилагательных появляются сочетания прилагательных с существительными.

It's a polite way of advertising "Here she is, chaps. **Now for God's sake somebody marry her and take her off our hands.**"

Это такой способ вежливо объявить миру: «Смотрите, вот она, наша красавица! **А теперь, ради бога, друзья, возьмите ее замуж и снимите эту обузу с нашей шеи**».

В варианте на русском языке добавляется лексическая единица «обуза», «руки» в оригинале заменяются на «шею» ради сохранения фразеологической сочетаемости.

My gown with its long train, not to mention three ridiculously tall ostrich feathers bobbing in a hair ornament, was **a recipe for disaster.**

На меня надели платье с длиннющим шлейфом, а прическу украсили тремя нелепыми и длинными страусовыми перьями — так что **катастрофа была гарантирована.**

Синтаксическая связь управление в английском предложении трансформируется в самостоятельную часть сложного предложения, при этом ключевое существительное, передающее комическое отношение к ситуации, сохраняется (disaster – катастрофа).

She gave birth to my brother, looked around at her utterly bleak Highland surroundings, **and promptly died.**

Она родила ему моего братца, окинула взором безрадостные шотландские просторы, **да и умерла.**

Наречие promptly через синтаксическую замену передается на русский язык другой частью речи – союзом «да и» (не прости «и», как в изначальном варианте). Такая трансформация позволяет выстроить гиперболизированную цепочку событий из мгновенно сменяющих друг друга трех перечисленных действий (родила, окинула взором, умерла), которая покажется читателю комичной.

With that she **poured dangerous amounts from any number of bottles into a shaker**, finished them off with something bright green, then poured the shaken result into a glass and dropped in a couple of maraschino cherries.

С этими словами она **щедро наплескала в шейкер что попало из разных бутылок**, сверху плюхнула какой-то зеленой жидкости, потрясла, вылила в бокал и увенчала свое творение парочкой ликерных вишен.

Вместо прилагательного dangerous, имеющего значение «опасный», в переводе употребляется наречие «щедро», в сочетании с глаголом «наплескала» создающее комический эффект. Выражение «что попало» в отношении алкогольных напитков, компенсирующее английскую фразу с местоимением и существительным from any number of bottles, аналогичным образом указывает на то, что воспринимать описываемую ситуацию приготовления коктейля следует в юмористическом ключе.

What's more, the suitable young men I have met have been **so dull that assassination actually seems preferable than a long life with them.**

Больше того, подходящие молодые принцы, которые мне попадались, — **такая тоска, что поневоле думаешь: пусть его лучше убьют, чем прозябать с ним всю жизнь.**

Здесь наречие с прилагательным *so dull* трансформируются в местоимение с существительным «такая точка». Кроме того, отмечается ряд других заслуживающих внимания компенсационных изменений в переводе: существительное преобразуется в глагол (*assassination* – убьют), появляется глагол «прозябать». Наконец, можно отметить семантический сдвиг: если в английском тексте под *assassination* понимается скорее убийство не просто самого принца, но и его гипотетической супруги (ведь именно перспектива брака с принцем так пугает героиню), то в переводе имеем «пусть лучше его убьют», что несколько искажает смысл оригинала и лишает отрывок определенной иронии.

*I can speak passable French, play the piano, and I know where to seat an archbishop at table. **This hardly makes me employable, does it?***

Я неплохо говорю по-французски, играю на фортепьяно, знаю, куда посадить архиепископа на званом обеде. **На такие умения вряд ли будет спрос, верно?**

Курьезным кажется сам набор умений девушки; тут перевод предложения является практически дословным, буквальным. В следующем же предложении прилагательное *employable* преобразуется в существительное «спрос», в отношении перечисленных навыков являющий собой скорее шутку, нежели серьезную характеристику.

*The heel came free and **I was catapulted** farther into the throne room as if I had been shot from a cannon at the very moment I should have been backing out of the royal presence.*

Каблук высвободился, и **меня швырнуло** вперед, как ядро из пушки — в тот самый миг, когда мне полагалось, птясь, покинуть зал.

Гиперболизирована неловкая и затруднительная ситуация, произошедшая с героиней повести, что прекрасно передает комичное сравнение с пушечным ядром. Компенсация же здесь состоит в замене грамматической основы: *I was catapulted* – буквально «я была вышвырнута, я была катапультирована», однако вместо этого имеем «меня швырнуло». Такая компенсация вполне оправдана, потому что в английском тексте присутствует пассивная глагольная форма, на русский язык зачастую переводящаяся соответствующей безличной глагольной формой. Тем самым

можно говорить о невозможности героини повлиять на случившееся, переиначить ход развития событий.

There are some advantages to being a minor royal. The old man **turned beetroot red**.

Все-таки иногда неплохо быть королевских кровей. Пожилой джентльмен **побагровел как свекла**.

Гиперболизированное сравнение со свеклой делает описание джентльмена комичным. Переводческий прием компенсации направлен на передачу глагола: вместо возможного варианта «стал красным/багровым как/словно свекла» в переводе видим «побагровел как свекла». Тем самым имеет место замена частеречного состава предложения. Такой образованный от прилагательного глагол живо рисует перед читателями портрет персонажа.

Следует отметить, что таких примеров чрезвычайно много. По сравнению с приведенными далее отрывками из текстов их в действительности абсолютное большинство. Такое преобладание можно объяснить необходимостью выстраивать в переводе новые синтаксические связи, соответствующие сложившимся в языке формам и структурам.

I never knew her. I never met my fearsome Scottish grandfather either, although the servants claim that his **ghost** haunts Castle Rannoch, playing the bagpipes on the ramparts (which in itself is strange as he couldn't play the bagpipes in life).

Бабушку в живых я не застала, как не застала и шотландского жутковатого дедушку, хотя слуги клянутся, будто его **неупокоенный** дух блуждает по замку и по ночам играет на волынке (что странно, поскольку при жизни он играть на ней не умел).

С точки зрения синтаксиса, два оригинальных предложения объединяются в одно, что позволяет плавно и размеренно, «без запинки» вести изложение. Английское слово knew трансформируется в целое высказывание «в живых не застала», что помогает точно выразить мысль героини, а ghost превращается в «неупокоенный дух» – словосочетание, навевающее трепет и наводящее страх. Выбор возвышенного по стилю прилагательного – «неупокоенный» – в сочетании с упоминанием будничного факта из жизни почившего предка создает комический эффект.

Уподобление (дословный перевод)

Her look implied that I was **liable to become pregnant or dance naked on the lawn** if I went out to Woolworths unchaperoned.

Взгляд ее ясно предупреждал: тебя только отпусти в «Вулворте» без присмотра, и ты **или забеременеешь, или пойдешь плясать нагишом на газоне.**

Юмор в данном случае содержится в самом выборе вербальных составляющих, когда выбор перспектив, стоящий перед молодой девушкой, ограничивается абсурдными и крайне маловероятными вариантами, что и составляет прием преувеличения.

In fact, it crossed my mind that HM might sit me down to tea and then produce Prince Siegfried and a convenient Archbishop of Canterbury **to perform the wedding ceremony on the spot.**

У меня даже мелькнула мысль, что ее величество усадит меня пить чай, а сама тут же предъявит мне князя Зигфрида и вдобавок архиепископа Кентерберийского, **чтобы обвенчать нас на месте.**

В приведенном примере смешно и нелепо предположение о внезапном проведении церемонии бракосочетания, т. е. юмор также заключается в вербальной гиперболизации, которая переводится на русский язык аналогичным способом.

She was wearing an emerald green satin opera cape—the kind where the sides are joined together to make the sleeves, thus **making most people look like penguins.**

С плеч ее ниспадала изумрудно-зеленая атласная накидка, какие надевают в театр. В таких накидках **большинство смахивает на пингвинов**, потому что полы соединены в подобие рукавов.

В данном случае можно говорить о гиперболизированном сравнении, когда предмет одежды делает человека непохожим на самого себя. Выбор глагола – «смахивает» – делает сравнение еще более забавным, уморительным. К тому же пингвин – очаровательное, милое животное, сравнение с которым поневоле вызывает улыбку.

“Working behind the counter at a department store?” I sounded shocked.

“Darling, **I’m not suggesting you work as a belly dancer** in the casbah. It’s a perfectly respectable department store. I shop there all the time.”

— Работать продавщицей в универсальном магазине? Стоять за прилавком? — голос мой задрожал от изумления.

— Душечка, **я ведь не предлагаю тебе плясать танец живота** перед матросами в порту. Магазин весьма почтенный и приличный. Я сама туда постоянно хожу.

Комично в данном контексте невероятное предположение подружки героини, что она могла предложить той столь неподобающее ее статусу занятие. При этом здесь же можно наблюдать случай описательного конкретизирующего перевода: *in the casbah (a North African castle or fortress)* – «перед матросами в порту», что также добавляет отрывку гиперболизированности.

Таких примеров, в противоположность рассмотренному ранее приему компенсации, относительно немного. При этом ни один из процитированных отрывков не подходит под понятие абсолютного уподобления, представляя собой лишь частично дословный перевод.

Добавление

They are vast, cavernous places with high ceilings, tartan wallpaper, and plumbing that **hisses, groans, clanks, and have been known to cause more than one heart attack, as well as such instant fits of insanity that one guest leaped from an open bathroom window into the moat.**

Они здесь просторные, гулкие, с высоченными потолками, обоями в шотландскую клетку и старыми трубами, которые **шипят, стонут, клацают и уже не раз были причиной сердечных приступов, а также случаев внезапного помешательства. Однажды обезумевший от страха гость сиганул из окошка в замковый ров.**

Глаголы, описывающие издаваемые трубами в замке звуки, переданы на русский язык максимально близко к изначальному варианту. Однако второе предложение на русском языке (тут можно отметить синтаксический прием разделения оригинального предложения на несколько на языке перевода) начинается с обозначения на определенную реакцию одного из гостей (обезумевший от страха), чего не наблюдается в английском тексте. Такая нестандартная, чрезмерная реакция на шум, пусть даже источник его неизвестен и непонятен, вызывает улыбку, смех.

Единственный пример добавления демонстрирует, что присоединение новых лексических элементов в основном проигрывает по частотности применения перестройке предложений с помощью компенсации.

Конкретизация

I felt perspiration trickling down my bare back. (Yes, I know **ladies** don't sweat, but something was trickling down my back.)

По обнаженной спине у **меня потекла струйка пота**. (Да, знаю, **настоящие леди** не потеют, но по спине у меня что-то потекло.)

Гиперболизация в этом случае заключается в отрицании самой возможности потеть определенной категорией людей. Сразу два наглядных примера конкретизации можно отметить в цитируемом отрывке: просто леди (*ladies*) в оригинале становится настоящей леди в переводе, вместо существительного «пот» (*perspiration*) как ближайшего эквивалента *perspiration* имеем струйку пота в тексте на русском языке. Это добавляет переводу эмоционального наполнения, поскольку работает на более яркое, выразительное описание конфуза героини. Кроме того, в данном фрагменте наблюдается переводческий прием компенсации, так как в первом предложении в переводе меняется грамматическая основа: потенциально возможный вариант «я чувствовала пот» (*I felt perspiration*) преобразуется в отвечающую нормам русского языка с точки зрения грамматики и стилистики версию «у меня потекла струйка пота».

Рассмотрим следующей вторую категорию примеров, где юмор основывается на соединении противоположностей, а именно лексических единиц с негативной и позитивной семантикой или же высокой лексики и стилистически сниженной лексики. Такое смешение позволяет взглянуть на знакомые положения и ситуации под новым углом, увидеть неожиданные черты в известных объектах. Сразу же необходимо подчеркнуть, что примеров такого типа удалось обнаружить лишь по одному на каждый прием (компенсация, синтаксическое уподобление, конкретизация, добавление), что можно объяснить, вероятно, более сложным путем создания шутки.

Компенсация

She looked at me sharply. “So do I gather that **life isn’t too wonderful for you at the moment?**” “**Life is pretty bloody**, if you really want to know,” I said.

— Тебя, как я понимаю, **жизнь сейчас не балует?**

— **Жизнь обходится со мной чертовски скверно**, если уж хочешь знать, — ответила я.

За прилагательным wonderful в реплике подруги главной героини повести следует в ответной реплике наречие с прилагательным pretty bloody. Именно это выражение можно отнести к сниженной лексике; ему в переводе соответствует аналогичное с точки зрения составляющих частей речи «чертовски скверно». Однако непосредственно компенсация касается других элементов данного отрывка: форма глагола to be с наречием и прилагательным isn’t too wonderful преобразуется в самостоятельно семантически наполненный глагол «не балует».

My grandmother was **the least attractive** of Queen Victoria’s daughters, who consequently never managed **to snare a Romanov or a Kaiser**, for which I am truly grateful and I expect she was too.

Бабушка была **самой некрасивой** из дочерей королевы Виктории, и потому ей не удалось **заполучить жениха ни из русского, ни из германского царствующего дома**, за что я благодарна судьбе, и она, как я думаю, тоже.

Здесь, помимо собственно компенсации, можно наблюдать применение приема антонимического перевода, когда буквально «наименее привлекательная» (the least attractive) становится «самой некрасивой», что, несомненно, звучит гораздо прямолинейнее, грубее, а это английскому языку несвойственно. Компенсация в данном случае касается перевода императорской фамилии (речь идет о династии Романовых) и германского титула монарха: a Romanov or a Kaiser. Для русского читателя могло бы быть недостаточным лишь указание фамилий, поэтому переводчик решил компенсировать возможное неведение путем описательного перевода. Кроме того, интерес представляет выбор переводного эквивалента глагола snare – «заполучить». Однако в словаре Macmillan Dictionary дается следующее толкование: to catch an animal using a snare; to trick someone into an unpleasant situation that they cannot escape from. Следовательно, перевести данный глагол можно, например, как «заманить, завлечь, поймать», что в

сочетании с последующим существительным «жених» вызвало бы у читательской аудитории улыбку. Еще более комичного эффекта можно было бы достичь, если дополнить один из предложенных глаголов («заманить, завлечь, поймать») существительным «западня, ловушка».

The young Englishmen were **revoltingly proper**, maybe because our chaperons lurked in the background. If they took one outside for a stroll and tried **a quick and hopeful grope**, one stern rebuke would make them gush out apologies. “So sorry. **Damned bad form**. Can’t think what came over me. Won’t happen again, I promise.”

Молодые англичане держались с нами **до отвращения чопорно**, возможно, потому, что поблизости все время реяли дамы постарше. Если такой кавалер уводил девицу одну на прогулку и торопливо пытался **пообжиматься** в надежде на большее, его легко было поставить на место суровыми упреками. Тогда он рассыпался в извинениях: «Простите великодушно. **Что-то я сам не свой**. Не знаю, что на меня нашло. Обещаю, такое больше не повторится».

Комично в данном контексте сочетание наречия и прилагательного **revoltingly proper** – «до отвращения чопорно», так как чопорность, пусть и представляющаяся негативным свойством характера, вызывает отвращение в каких-то крайних случаях, то есть здесь неприятие такого поведения доведено до абсолюта. Улыбку вызывает выбранный переводчиком глагол «пообжиматься» вместо оригинального сочетания прилагательных с существительным (**a quick and hopeful grope**). Наконец, перевод **damned bad form** как «что-то я сам не свой» (здесь можно отметить применение техники компенсации) кажется пусть и приемлемым, но не самым удачным вариантом. Возможно, вариант вроде «чертовски дурной тон/ проклятый дурной тон/ треклятый дурной тон» смотрелся бы в переводе более звучно и гладко.

Уподобление (дословный перевод)

My brother, Binky, having been conditioned to do so at school, insisted on taking his morning walks around the estate and arrived home looking like **the abominable snowman** — sending his son Hector, affectionately known as Podge, screaming for Nanny.

Мой братец Бинки еще со школьных времен был приучен к прогулкам в любую погоду и каждое утро упрямо разгуливал по окрестностям. Домой Бинки возвращался похожий на **жутковатого**

снеговика, так что его сын Гектор, в домашнем обиходе известный как Пончик, при виде отца ударялся в слезы и звал няню.

Здесь следует отметить совмещение в словосочетании прилагательное + существительное адъективного элемента с отрицательной семантикой и номинативного элемента с положительной семантикой, благодаря чему возникает комичность.

Конкретизация

When he learned that he'd lost what remained of his fortune, he went up onto the moors **and shot himself with his grouse gun, although how he managed to do it has always been the object of speculation, my father never having been a particularly good shot.**

Узнав, что он потерял остатки своего состояния, отец вернулся в Раннох, ушел далеко на болота и **застрелился из охотничьего ружья, чем удивил всех, потому что стрелком он был никудышным.**

В цитируемом отрывке трагичный факт смерти отца главной героини соединяется с будничным сообщением о его неумелости как стрелка. Сочетание таких истин, выраженных в словесной форме, производит комический эффект на читательскую аудиторию. При этом вариант на русском языке в определенной степени построен на приеме конкретизации. Так, в переводе можно обнаружить указание на вовлеченных в описываемую ситуацию лиц (все), более детальную информацию об их реакции (удивление), более прямую и точную характеристику персонажа (никудышный стрелок).

In due time she dutifully produced my father, the second duke, before succumbing to the sort of diseases brought on by **inbreeding and too much fresh air.**

В положенный срок бабуля добросовестно произвела на свет моего папеньку и только затем позволила себе поддаться болезням, которые возникают от **кровосмешения и избытка свежего воздуха.**

Комичным может показаться упоминание свежего воздуха как вероятной причины возникновения болезни. Конкретизация же касается выбора в переводе существительного «бабуля» вместо местоимения she, однако тут же можно заметить отсутствие в переведенном тексте словосочетания the second duke – к нему не

был подобран эквивалент, хотя само по себе оно не составляет ровно никакой проблемы – «второй герцог».

Добавление

I wonder how many people have had **life-changing experiences while on the loo?**

Не знаю, часто ли **мысль, которая коренным образом изменяет жизнь, приходит в голову в уборной?**

Данный пример, с одной стороны, содержит английскую фразу с абстрактной семантикой, которую можно считать возвышенной (life-changing experiences). С другой стороны, здесь же можно отметить слово loo – уборная, что сразу снижает определенный пафос предложения и наводит читателя на комическое восприятие ситуации.

Отдельно стоит прокомментировать примеры, юмор в которых сохраняется в русском тексте именно за счет использования приема антонимического перевода. Применение такого метода следует также отнести на счет несовпадения синтаксических структур в английском и русском языках. По замечанию ученого А. Д. Швейцера, «одним из наиболее частых побудительных мотивов, заставляющих переводчика прибегать к конверсивным трансформациям [к ним можно отнести антонимический перевод – комментарий автора статьи], являются различия в языковой реализации коммуникативной структуры (актуального членения) высказывания» (Швейцер, 1988, с. 142). Для демонстрации действия такого приема приведем следующие примеры из рассматриваемой детективной повести:

I am one of those people whose **limbs don't always obey** them in times of crisis.

Я принадлежу к тем, у кого от волнения **руки и ноги перестают слушаться.**

Отрицательная глагольная форма передается на русский язык через утвердительную глагольную форму (перестают слушаться). Кроме того, в предложении можно обнаружить действие приема конкретизации, поскольку английское существительное, ближайшим эквивалентом которого в русском языке будет слово «конечности», переводится как «руки и ноги».

Итак, из двух групп примеров, которые по сути являются комическим описанием персонажей и ситуаций, преобладающим

оказывается использование гиперболизации как основы для шутки, ей уступает по частотности комбинирование в рамках одного предложения семантически и/или стилистически противоположных лексических единиц. Если комментировать собственно приемы, касающиеся лексики, грамматики и синтаксиса, наиболее популярным является компенсация как способ провести необходимые адекватные замены в тексте перевода, нацеленные на приведение его в коммуникативное и эстетическое соответствие с оригиналом. Далее следуют равноценные по частотности приемы синтаксического уподобления, добавления и конкретизации.

Заключение

На основе проведенного анализа можно сделать следующие выводы:

1) доминирующим оказывается использование гиперболизации как основы для шутки по сравнению с семантическим или стилистическим смещением лексических единиц в контексте одного предложения;

2) наиболее частотным переводческим приемом является компенсация;

3) компенсации как переводческому приему по частотности уступают примерно равноценные по количественному показателю задействования при составлении текста приемы синтаксического уподобления, добавления и конкретизации.

Перспективы дальнейшего исследования вопроса состоят в подробном изучении переводческих приемов, способных максимально передать комический эффект от прочитанного. Интерес для исследователей может представлять и детальный анализ проблемы определения типов речевых ситуаций, в которых уместно употребление шуток.

Литература

1. Бархударов Л. С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода). М.: Международные отношения, 1975.
2. Боуэн Риз. Дворцовый переполох. Серия: Шпионка Ее Величества. Издательство Аркадия, 2019.
3. Гарбовский Н. К. Теория перевода. М.: Издательство Московского университета, 2004.

4. Головушкина М. В., Воячек О. С. Английский юридический юмор как социокультурный феномен // Наука. Общество. Государство. № 2 (2). 2013.
5. Змитракович С. В. Вербальные средства создания комического в англоязычном кинодиалоге // Языковая личность и эффективная коммуникация в современном поликультурном мире: материалы Международной научно-практической конференции, Минск, 17-18 ноября 2016 г. / редколл. О. И. Уланович [отв. ред.] и др. Минск: Издательский центр БГУ, 2016.
6. Казакова Т. А. Художественный перевод. Теория и практика. М.: Инъязиздат, 2008.
7. Комиссаров В. Н. Лингвистика перевода. М.: Издательство ЛКИ, 2007.
8. Комиссаров В. Н. Современное переводоведение. М.: Р. Валент, 2011.
9. Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). М.: Высшая школа, 1990.
10. Латышев Л. К. Курс перевода: Эквивалентность перевода и способы ее достижения. Москва: Издательство Международные отношения, 1981.
11. Лучковский Р. Я. Лингвокультурологические особенности английского юмора (на материале произведений П. Г. Вудхауза) // Материалы региональной межвузовской научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. Пятигорск, 2005.
12. Любимов Н. Перевод – искусство. М.: Советская Россия, 1982.
13. Рецкер Я. И. Теория перевода и переводческая практика. Очерки лингвистической теории перевода. М.: Р. Валент, 2007.
14. Симакова А. В., Шмырева Д. Е., Еремеева Н. А. Национальные черты английского юмора // Academy, 2019.
15. Соколов А. Б. Юмор как черта английского национального характера (по сочинениям путешественников конца XVIII – первой половины XIX в.) // Диалог со временем. Выпуск 44, 2013.
16. Тасенко П. С., Нелюбова Н. Ю., Ершов В. И. Использование приема адаптации при переводе текстов художественной литературы (на примере перевода на русский язык романов

- «Дама с камелиями» и «Грозовой перевал») // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. Том 20. № 2. 2016.
17. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. М.: Слово, 2000.
 18. Филиппова М. М. Словари юмористических цитат и парадоксы межкультурного общения // Сборник: Язык, сознание, коммуникация. Выпуск 14, М.: МАКС Пресс, 2000.
 19. Шабунина Э. В. Английский юмор как лингвокультурное явление (на материале творчества П. Г. Вудхауза) // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. № 1, 2012.
 20. Швейцер А. Д. Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты. М.: Наука, 1988.
 21. Baker Mona. In *Other Words: A Coursebook on Translation*. New York: Routledge, 2011.
 22. Baker Mona. *Routledge Encyclopedia of Translation Studies*. New York: Routledge, 2011.
 23. Bebbington B. The defeat of radical singularism in Russian, English and French literature // *Training, Language and Culture*. – 2018. – Vol. 2(4). – Pp. 39-54. doi: 10.29366/2018tlc.2.4.3
 24. Bowen Rhys. *Her Royal Spyness (The Royal Spyness Series Book 1)*. Berkley, 2008.
 25. Bowen Rhys. *Peril in Paris. (The Royal Spyness Series Book 16)*. Berkley, 2022.
 26. Fox Kate. *Watching the English*. Hodder & Stoughton, 2004.
 27. Macmillan Dictionary. URL: <https://www.macmillandictionary.com/>
 28. Malyuga E.N. Funktsii iumora v angloyazychnom ekonomicheskom diskurse [Functions of humor in the English-language economic discourse] // *Moscow University Philology Bulletin*. 2020. Vol. 6. Pp. 31-43.
 29. Malyuga E.N., Krouglov A., Tomalin B. Linguo-cultural competence as a cornerstone of translators' performance in the domain of intercultural business communication // *XLinguae*. – 2018. – № 11(2). – Pp. 566–582 DOI: 10.18355/XL.2018.11.02.46
 30. Merriam-Webster Dictionary. URL: <https://www.merriam-webster.com/>

31. Mikes George. How to Be an Alien. Penguin Readers, 2000.
32. Mikes George. How to Be a Brit. Penguin Books, 1986.
33. Monakhova E. Cognitive and pragmatic approach to using stylistic devices in English literary discourse // *Training, Language and Culture*. - 2019. - Vol. 3(1). - Pp. 37-52. doi: 10.29366/2019tlc.3.1.3
34. Newmark Peter. A textbook of translation. London: Prentice Hall, 1988.
35. Radyuk K.A. Comic Language Means in the English-Language Comic Books // *Professional Discourse & Communication*. – 2022. – Vol. 4(3). – Pp. 29-38.

References

- Barkhudarov, L.S. (1975). *Iazyk i perevod (Voprosy obshchei i chastnoi teorii perevoda)* [Language and translation (Issues of general and specific theory of translation)]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia.
- Bebbington, B. (2018). The defeat of radical singularism in Russian, English and French literature. *Training, Language and Culture*, 2(4), 39-54. doi: 10.29366/2018tlc.2.4.3 /
- Bowen, R. (2004). *Dvortsovyi perepolokh. Serii: Shpionka Ee Velichestva* [Her Royal Spyness. Her Royal Spyness Series] Izdatel'stvo Arkadiia.
- Garbovskii, N.K. (2004). *Teoriia perevoda* [Theory of translation]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta.
- Golovushkina, M.V., & Voiachek, O.S. (2013). Angliiskii iuridicheskii iumor kak sotsiokul'turnyi fenomen [English legal humor as a sociocultural phenomenon]. *Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo*, 2 (2).
- Zmitrakovich, S.V. (2016) Verbal'nye sredstva sozdaniia komicheskogo v angloiazychnom kinodialoge [Verbal Means of Comic Creation in English Film Dialogue]. In *Iazykovaia lichnost' i effektivnaia kommunikatsiia v sovremennom polikul'turnom mire: materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*, (pp. 183-186).
- Kazakova, T.A. (2008). *Khudozhestvennyi perevod. Teoriia i praktika* [Literary translation. Theory and practice]. Moscow: In'iazizdat.

- Komissarov, V.N. (2007). *Lingvistika perevoda* [Linguistics of translation]. Moscow: Izdatel'stvo LKI.
- Komissarov, V.N. (2011). *Sovremennoe perevodovedenie* [Modern translation studies]. Moscow: R. Valent.
- Komissarov, V.N. (1990). *Teoriia perevoda (lingvisticheskie aspekty)* [Translation theory (linguistic aspects)]. Moscow: Vysshaia shkola.
- Latyshev, L.K. (1981). *Kurs perevoda: Ekvivalentnost' perevoda i sposoby ee dostizheniia* [Course of translation: Equivalence of translation and ways to achieve it]. Moscow: Izdatel'stvo Mezhdunarodnye otnosheniia.
- Luchkovskii, R. Ia. (2005). Lingvokul'turologicheskie osobennosti angliiskogo iumora (na materiale proizvedenii P. G. Vudkhauza) [Linguistic and cultural features of English humor (based on the works of P. G. Wodehouse)]. In *Materialy regional'noi mezhvuzovskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii studentov, aspirantov i molodykh uchenykh*, (pp. 196-203).
- Liubimov, N. (1982). *Perevod – iskusstvo* [Translation as art]. Moscow: Sovetskaia Rossiia.
- Malyuga, E.N. (2020). Funktsii iumora v angloyazychnom ekonomicheskom diskurse [Functions of humor in the English-language economic discourse]. *Moscow University Philology Bulletin*, 6, 31-43
- Malyuga, E.N., Krouglov, A., & Tomalin, B. (2018). Linguo-cultural competence as a cornerstone of translators' performance in the domain of intercultural business communication. *XLinguae*, 11(2), 566–582 DOI: 10.18355/XL.2018.11.02.46
- Monakhova, E. (2019). Cognitive and pragmatic approach to using stylistic devices in English literary discourse. *Training, Language and Culture*, 3(1), 37-52. doi: 10.29366/2019tlc.3.1.3 /
- Retsker, Ia.I. (2007). *Teoriia perevoda i perevodcheskaia praktika. Ocherki lingvisticheskoi teorii perevoda* [Theory of translation and translation practice. Essays on the linguistic theory of translation]. Moscow: R. Valent.
- Simakova, A.V., Shmyreva, D.E., & Eremeeva, N.A. (2019). *Natsional'nye cherty angliiskogo iumora* [National features of English humor]. Academy.
- Sokolov, A.B. (2013). Iumor kak cherta angliiskogo natsional'nogo kharaktera (po sochineniiam puteshestvennikov kontsa XVIII –

- pervoï poloviny XIX v.) [Humor as a feature of the English national character (according to the writings of travelers of the late 18th - first half of the 19th century)]. *Dialog so vremenem*, 44, 310-327.
- Tasenko, P.S., Neliubova, N.Iu., & Ershov, V.I. (2016). Ispol'zovanie priema adaptatsii pri perevode tekstov khudozhestvennoi literatury (na primere perevoda na russkii iazyk romanov «Dama s kameliiami» i «Grozovoi pereval») [The use of the adaptation technique in the translation of fiction texts (on the example of the translation into Russian of the novels "The Lady of the Camellias" and "Wuthering Heights")]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Serii: Lingvistika*, 20 (2), 128-141.
- Ter-Minasova, S.G. (2000). *Iazyk i mezhkul'turnaia kommunikatsiia* [Language and intercultural communication]. Moscow: Slovo.
- Filippova, M.M. (2000). Slovari iumoristicheskikh tsitat i paradoksy mezhkul'turnogo obshcheniia [Dictionaries of humorous quotes and paradoxes of intercultural communication]. *Sbornik: Iazyk, soznanie, kommunikatsiia*, Moscow: MAKS Press, 14, 31-54.
- Shabunina, E.V. (2012). Angliiskii iumor kak lingvokul'turnoe iavlenie (na materiale tvorchestva P. G. Vudkhauza) [English humor as a linguistic and cultural phenomenon (based on the work of P. G. Wodehouse)]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina*, 1, 196-203.
- Shveitser, A.D. (1988). *Teoriia perevoda: Status, problemy, aspekty* [Translation Theory: Status, Problems, Aspects]. Moscow: Nauka.
- Radyuk, K.A. (2022). Comic Language Means in the English-Language Comic Books. *Professional Discourse & Communication*, 4(3), 29-38.
- Baker, M. (2011). *In Other Words: A Coursebook on Translation*. New York: Routledge.
- Baker, M. (2011). *Routledge Encyclopedia of Translation Studies*. New York: Routledge.
- Bowen, R. (2008). *Her Royal Spyness (The Royal Spyness Series Book 1)*. Berkley.
- Bowen, R. (2022). *Peril in Paris. (The Royal Spyness Series Book 16)*. Berkley.
- Fox, K. (2004). *Watching the English*. Hodder & Stoughton.
- Macmillan Dictionary. Retrieved from: <https://www.macmillandictionary.com/> (Accessed 1.02.2023)

Merriam-Webster Dictionary. Retrieved from: <https://www.merriam-webster.com/> (Accessed 1.02.2023)

Mikes, G. (2000). *How to Be an Alien*. Penguin Readers.

Mikes, G. (1986). *How to Be a Brit*. Penguin Books.

Newmark, P. (1988). *A textbook of translation*. London: Prentice Hall.

УДК 81'276.6

С. А. Бурикова

И.В. Смирнова

О.Э. Узакова

Российский университет дружбы народов

КОММУНИКАТИВНЫЙ АСПЕКТ В АВИАЦИОННОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА В ПРОЦЕССЕ РАДИООБМЕНА МЕЖДУ ПИЛОТОМ И ДИСПЕТЧЕРОМ

Статья посвящена рассмотрению особенностей формирования и использования авиационной фразеологии английского языка. Фокус внимания авторов обращен на коммуникативный аспект как основополагающий фактор, который дал начало всем грамматическим и фонетическим изменениям в структуре авиационного английского языка. Объектом данного исследования является англоязычная фразеология радиообмена. В процессе анализа материала были выделены следующие особенности использования фразеологии, которые влияют на эффективность коммуникации: скорость передачи информации, краткость и точность описания проблем, степень понимания команд, уровень владения авиационным английским, наличие акцента, технические особенности работы радиооборудования.

Материалом практического исследования стал документальный сериал «Air crash investigation», который содержит примеры использования авиационного английского языка, поскольку опирается на официальные документы предприятий авиационной отрасли (такие как ICAO, National Transportation Safety Board, Federal Aviation Administration), записи бортовых самописцев, а также интервью участников событий.

Авторы пришли к выводу, что коммуникативный аспект имел огромное влияние на формирование авиационной фразеологии